

ГЛАВА 8 ОБУЧЕНИЕ И ШКОЛА

Она однажды сказала: «У каждого из вас должна быть цель. Но помните, что от качества вашей цели зависит качество вашей жизни.»

Эти золотые слова я несу с собой по жизни...

Вопрос школы стоял для нас вначале очень остро, почти болезненно. На первых порах, когда мы поселились в деревне, и проект Родового Поместья еще только конденсировал свой неуловимый облик в разреженных просторах эфира и умственных сфер за пределами нашего сознания, нередко приходили крамольные мысли о том, что неглохобы, вот, перебраться в деревню насовсем.

Надо сказать, что деревенская жизнь оказывала на нас какое-то почти магическое действие. Буквально через час по приезде в памяти ничего не оставалось от жизни прежде-

ней, городской. Возникало такое чувство, что ты здесь всегда, и полнота проживания каждого момента настолько самодостаточна, что к ней нечего добавлять извне, городская жизнь, если ты все же каким-то усилием воли пытаешься ее в памяти оживить, казалась чем-то призрачным и нереальным, чем-то не существующим – ни проблемой ее, ни заботы тебя совершенно не интересовали.

Так бывало всегда на протяжении многих лет, поскольку уезжать приходилось очень часто. Бывали годы, мне приходилось ездить каждую неделю, и всякий раз тот же самый эффект – есть только твоя жизнь в деревне и все. Кстати сказать, в городе такого эффекта в связи с деревней не возникало.

Так вот, естественно, нам хотелось не раз остаться насовсем, обрубить эту цепь городской зависимости. Первым и практически непреодолимым препятствием вставало отсутствие в деревне школы. У нас рос малыш, которому предстояло вскоре вставать на путь всенародного просвещения, а как его учить без школы. Пример соседской девочки, ежедневно ходившей в школу в поселок в восьми километрах, совсем не вдохновлял. Казалось, что это будет и вовсе неверным решением.

Так мы ничего не придумали, и сын, как и положено всем семилетним малышам, однажды 1 сентября отправился в школу. Правда ему повезло. Нас в тот момент выселили из старой пятиэтажки в новый дом, и вышло так, что квартиру пора было оставлять, а дом, в который мы планировали переехать, был не достроен, поэтому нам пришлось выехать из старой квартиры и ждать, когда разрешат вселиться в новую.

Поэтому каникулы у ребенка продолжились – мы вернулись в деревню, договорившись в школе, что первую четверть проведем дома, обучая его самостоятельно. Я тогда уже слышал, что есть такая форма как *семейное обучение*,

но перейти на него не репался — не хватало чего-то, может быть уверенности, может быть не все условия для его воспитания в жизнь сложились, а вынужденный переезд привел к тому, что, по сути, мы вступили уже под его благоволению сень.

Проучившись таким образом первую четверть дома, то есть в деревне, мы вернулись в обычную школу, и рутинная народного образования поглотила ребенка почти на два года. У него, конечно, участь была не столь суровой, как у его одноклассников. Веда в деревне хозяйство, мы вынуждены были постоянно нарушать неспешную размеренность учебного процесса и время от времени вырывать его из школьной колеи, то удлиняя каникулы, то отправляясь недели на две до конца учебного года. А параллельно я пытался ему объяснить, что школа это не приговор на десятилет, и есть возможность облегчить свою участь и в школу не ходить.

Интересно, что первые разговоры на эту тему он прерывал практически сразу, категорически отбрасывая даже самому мыслю о том, чтобы изменить форму обучения. Я не настаивал, и все текло по-прежнему. Вначале мне было не совсем понятно, почему он так упирается. Только гораздо позже стало понятно, что делал он это из элементарного страха, из страха оказаться противостоящим той системе, в

которую был погружен. Другими словами, был «обработан» ею. Позже, разобравшись в проблеме, я стал видеть, насколько детвора, попадающая в надежные и крепкие тиски всеобща, становится поглощенной, почти порабощенной им. И даже вот теперь, когда мы перешли полностью на семейное обучение, и сын вошел во вкус его вольницы, он, встречаясь со своими одноклассниками, слышит от них недоуменные увещевания, как же так, дескать, можно, чтобы в школу не ходить. А он, появляясь в школе, чтобы написать вместе с классом очередную контрольную, рассказывает потом, что постоянно ощущает плотное воздействие и давление, угнетающее и подавляющее.

Прошло два года, и в конце концов до нас всех, наконец, дошло, что пора менять форму обучения, потому что она рвет наш полусельский уклад просто по живому. Сентябрь — самая горячая пора в саду и на огороде, время собирать урожай, плод всех твоих годовых усилий, а тут надо в школу идти, потом начинается октябрь, холодный и промозглый, когда отопление еще не включено, а каменный дом достаточно простыл. Иное дело в деревне с ее уютной печкой, да и позднюю осень встречать гораздо комфортнее в своем доме на земле, среди потрепанные красиво засыпанного растительного царства, чем в унылом сером каменном ландшафте города. Сын в конце концов проникся смыслом предлагаемых ему перемен и согласился перейти на семейное обучение. Отправился я в начале очередного сентября в город, чтобы описать его от школы. Не могу сказать, что это удалось легко — в школе о таком, естественно, и знать ничего не знали, но тем не менее решить вопрос удалось.

Для справки даю цитату из статьи о семейном обучении Василия и Лилии Черваток «Семья, родовое поместье и система под названием “школьное образование”»:

«Существовавший до начала 90-х годов крен в сторону обязанностей родителей перед системой противоречил ст.17 Конституции РФ, признающей, прежде всего, права и свободы человека и гражданина. Обязанность государства перед детьми была и остается недостаточной, что противоречит Конвенции ООН о правах ребенка.

Поэтому логичным было то, что в период с 1992 по 2002 у нас в стране принят ряд законов, постановлений и указов, исправляющих данное положение (в т.ч. о развитии альтернативной системы образования). Речь идет о праве граждан на выбор общеобразовательного учреждения (допущены частные школы) и о праве граждан на выбор формы получения образования (разрешено семейное! образование и экстернат). Богом данное родителям право по обучению своих детей, после многих лет забвения, наконец пролилось в систему образования.

«Родители имеют право дать ребенку начальное общее, основное общее, среднее (полное) общее образование в семье» (пункт 3 ст.52 Закона РФ “Об образовании”).

В 1994г. Министерством образования принят к исполнению приказ №225 “Примерное положение о получении образования в семье”, в котором декларированные законом права, наконец-то, приобрели конкретную форму. И хотя система в дальнейшем сделала все, чтобы как можно меньше людей об этом Положении знало, а тем более применяло в жизнь, остановить стремление родителей самостоятельно обучать своих детей, уже было невозможно.

Примерно в это же время принимается “Положение о получении общего образования в форме экстерната”. Данное Положение в дальнейшем получило несколько редакций. Монополия системы на исключительное право по обучению ребенка разрушалась...»

В конце концов удалось убедить директора школы, что

такой вариант есть, я действую на законном основании и имею право перевести ребенка на эту форму обучения. Как ни странно неожиданную поддержку я нашел в управлении по образованию нашего района, у специалиста по семейному обучению – и понимание, и поддержку.

Курьез данной ситуации в том, что для перевода ребенка на семейную форму обучения достаточно написать на имя директора простенькое заявление, примерно такого типа: *«В соответствии с законом “Об образовании” Российской Федерации и приказом Министерства образования №225 от 27.06.94 “О получении образования в семье” прошу Вас перевести нашего сына /нашу дочь/ ФИО, ученика/цу/ такого-то класса, на семейную форму обучения».*

Его желательно зарегистрировать в канцелярии школы во избежание «случайной» утери. И все. С момента регистрации заявления ваш ребенок уже учится дома. Встретаться с директором школы, а тем более с чиновниками из управления образования и объяснять причины перевода вы не обязаны. Причем такое заявление вы вправе отнести в школу в любое время учебного года. Далее администрация школы должна вызвать вас для оформления договора, в котором вы согласуете количество аттестаций и их периодичность. Обычно это по полугодам или один раз в год – как договоритесь.

Договорился я со школой, получил задания и учебники у нашей учительницы, которая была несколько удивлена таким поворотом дел, и поехал с радостной вестью в деревню. Ребенок, надо сказать, все это время немного нервничал, но после того как услышал, что его учительница в курсе и не против, очень обрадовался. Причем было видно, как это ее согласие сняло с него огромный груз. Стало понятно, чем он тяготился. Пока все было на уровне разговоров, он подсознательно, безотчетно боялся проявиться

как-то против этой самой системы, страшился противопоставиться ей и совершить поступок, за который его могут наказать.

Именно страх быть наказанным оказался главным доводом против того, чтобы сразу и легко выйти из этого распада. Школьные друзья, компания — все это было вторично. На первом месте был вынужденный системой страх нарушить устои. Когда же удалось все устроить на законной основе, страх пропал. Он понял, что его за такое отношение никто не накажет. Вот они тиски.

Таким был первый ошутимый результат принятого решения — понимание степени погруженности во власть системы всеобща. Второй результат проявился тоже достаточно скоро. Прошло совсем немного времени, может быть месяц-два, и мы заметили, что сын стал гораздо более покладистым, наши отношения стали мягче, меньше возникало непроизвольных вспышек недовольства, возмущения, сопротивления по пустякам, которые до этого стали довольно привычным фоном нашего быта. У него появилось большее доверие к нам, легче стало договариваться, даже при выполнении каких-то не слишком приятных для него заданий, и по учебе, и по дому. Мы задумались, отчего бы так.

И выяснилась еще одна грань наших отношений. Когда ребенок родится, мы берем на себя ответственность за него перед жизнью. Это понятно и очевидно для всех, во всяком случае для многих. Но вот он вырос и пора идти в сад и в школу. И что мы делаем? Мы даем его на попечение государству, то есть перекладываем ответственность на чужие плечи. Конечно, у нас есть тому оправдания: работа, отсутствие свободного времени — система позаботилась, чтобы это было именно так.

Но факт остается фактом, ту ответственность, которую мы взяли на себя при его рождении, мы пытаемся разде-

Так лучше усваивается

лить с чем-то посторонним, при этом вовсе не спросив его, а согласен ли он на такое разделение.

Мы навязываем ему обстоятельства, очень неестественные, часто полностью противоположные всему тому, к чему он привыклся весь предыдущий период жизни.

И он эти обстоятельства должен постоянно выносить, преодолевать, затнанный в достаточно искусственные и ненормальные условия жизни: подолгу сидеть неподвижно, когда в его возрасте основа развития — движение, привычаться к абстрактному мышлению, когда в первых классах основа его мышления — образ и образность, проводить полдня в этих условиях в школе, а потом продолжать почти то же самое проделывать дома, готовя домашние задания. И весь этот навязанный ему груз ложится на его детскую психику, уродуя и калеча ее постепенно и незаметно для глаза.

Когда мы передаем ответственность за своего ребенка Системе, ее способу формирования, структурирования его, мы тем самым отталкиваем его от себя и принуждаем подчиниться ей. Мы попросту рвем тонкие связи и настройки, связывавшие нас, создававшие атмосферу взаимоуважения и доверия.

В его жизни наступает кризис, нечто непонятное его чистому детскому восприятию, совершенно искусственное, прикрываемое красивыми словами о знании, начинается урезать его возможности, пресекать естественную

пытливость, ограничивать, замыкая в очень узкий диапазон общепринятых стандартов безграничные возможности, не вмещающиеся в предлагаемые ему тесные рамки. В итоге ребенок теряет собственную волю, становится потухшим и потерянным.

И только в переходном возрасте возникает иногда всплеск протеста, когда он открыто заявляет, что родители не понимают его. Но постепенно угасает и протест, потому что Система уже слишком крепко держит его в своих объятиях. И он становится таким как все, типичным воли и несчастным, готовым стать обычным взрослым человеком.

Мы поняли все это, по-настоящему прочувствовали только после того как перешли на семейную форму обучения, поскольку по контрасту заметны многие вещи. Мы вернули себе отданную на сторону ответственность, сняли с него ненужный груз искусственных добавок, и его сознание, его восприятие тут же откликнулось, обогаченное и успокоившееся. Оттого и отношения наши сразу стали гармоничнее и проще.

Кроме того, необходимость погружаться в учебный процесс подстегнула и нас. При переходе на семейное обучение пришлось принимать простое решение: я очень хорошо помню сомнения и колебания, возникшие в сознании при принятии этого решения, как потребовалось определенное мужество и внутренняя решимость, чтобы вновь взять на себя ответственность за его обучение, услужливо отнятую у меня системой народного образования. Но мы слишком ясно видели все недостатки существующего положения дел, видели, как оно постепенно забирает у нас нашего ребенка, превращая в винтик единого механизма, чтобы и дальше колебаться и медлить.

Не будучи столь скованными, как прежде, распорядком

школьного обучения, мы приобрели дополнительные степени свободы. Появились новые возможности для путешествий, благодаря такой вольнице, сумели обратиться на долмены, получили возможность вместе уезжать в деревню в удобное для нас время. В путешествия мы берем с собой скромный набор учебных пособий и тетрадок, и процесс обучения продолжается в самых разных условиях: в деревне под деревом или на лужайке, в походе на пенке возле палатки.

Да и дома он занимается в более непринужденной, удобной для него ситуации. Он сам находит оптимальную для него позу, ритм и последовательность действий при выполнении домашних заданий. Возникающие в процессе усвоения напряжения легко снимает, взбираясь на спорткомплекс, переключившись на игру или какое-то иное дело. По совету доктора Базарнова, основателя еще одной системы альтернативного школьного обучения, я соорудил сыну настольную конторку, этакую забытую деталь ушедшей старины. Помните, стоит барин в кабинете за конторкой и что-то пишет – наверняка видели в кино. Умственная работа стоя – раньше это было очень привычно и обычно, но постепенно ушло из жизни.

И вот Базарнов возродил ее, предложив сделать настольный вариант. В классах, занимающихся по его методике (а это все школы Пермской области – проводился такой эксперимент в начале 90-х), на каждой ученической парте стоит одна такая конторка, и ученики в течение урока периодически меняются местами: один сидит, другой

В походе

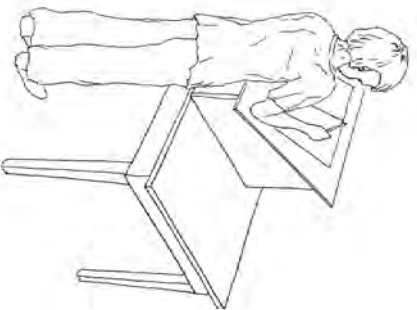
стоит, потом меняются. Очень благотворно влияет на процесс обучения. Решил попробовать и я. Соорудил такую же контурку под рост сына и поставил на стол. Теперь он с удовольствием делает уроки стоя, когда надо едет сидеть. Говорит, что так лучше.

Так сын осваивает жизнь в большем ее разнообразии, он учится связывать знание и окружающее в конкретном опыте, поскольку в разнообразии естественных условий всегда есть больше возможностей применить выученное в жизни. Ну и самое ценное при таком подходе, у него начинает вырабатываться внутренняя дисциплина, в противовес дисциплине внешней, шаблонной. А значит и большая ответственность за свои решения, поступки и результаты.

Конечно же некоторая воляница, свалившаяся на него неожиданно, имеет и слабые стороны, поскольку, привычные в школе к постоянному прессу внешней дисциплины, ученики внутренне часто размякают, утрачивают естественную ответственность за себя и свои поступки, как бы безвольно повисают на предложенном

им скелете обязательных усилий.

И первое время, им непросторно перестроиться, найти в себе силы развить дисциплину внутреннюю, возникающую не от принуждения и страха не выполнить задание, а от потребности учиться и знать. Зато теперь у нас появляется возможность преподнести ребенку драгоценный дар: поддерживать и развивать в нем лю-

бовь к учебе, поскольку это лучшее, что взрослые могут здесь сделать.

Если мы научим его любить учиться, а точнее, сумеем не погасить в нем естественную тягу к постижению мира, на которой и стоит настоящая любовь к учебе и к знаниям, дадим ему возможность развивать свои свойства и способности, умело поддерживая и поощряя его к самопознанию, это будет главным вкладом в его воспитание и обучение.

В современной системе обучения, к сожалению, это практически исключено, поскольку существует жесткая программа, которой все дети должны соответствовать, и индивидуальность принесена в жертву единообразию. Но если мы будем помнить, что человек устроен сложно, что его внешнее существо состоит из трех основных частей: *ума, жизни и физического тела*, требующих для своего развития трех различных подходов, и будем уделять внимание каждой части, чтобы они развивались полноценно и во взаимосвязи друг с другом, мы получим самые плодотворные результаты – его внешняя форма, личность, станет полноценным сосудом, способным наполняться и сохранять божественные энергии его духа, уверенно и безупречно ведущего его по жизни.

А если мы сумеем к тому же заразить его интересом к внутреннему поиску и самопознанию, к самообретению, то очень скоро его *внутренняя суть*, его *душа*, его *дух* начнет участвовать в жизни напрямую и непосредственно, и возьмет на себя руководство всей его жизнью, его поступками, значимыми и самыми незамечными, возвращая себе изначальное свое предназначение – быть кормчим жизни, ее царем и правителем. Это будет наградой и для ребенка, и для родителей, счастьем, радостью и отрадой, о которых мечтают все для своих детей, но мало кому пока даются претворить на практике.

Открыленные успехом семейного обучения, мы поняли, насколько с его помощью упрощается наша жизнь на первом переходном этапе построения Родового Поместья. Вначале смущали мысли о громоздкости перехода от городского уклада к укладу поселения: пока в поселении нет школы, значит ты привязан к метроному школьного распорядка.

Теперь же открылись иные возможности и перспективы. Можно планировать поездки на землю, не будучи скованным еще и этим распорядком. А значит, ребенок тоже может, при желании, поехать с вами и не только в дни школьных каникул, принимать более непосредственное участие в планировании и осмыслении его образа, находить свои неожиданные решения, одним словом, быть полноправным и полноценным участником проекта. Такая вот дополнительная возможность.

Кроме того упростился взгляд и на саму школу. Раз нет срочной необходимости в ее лихорадочном строительстве, значит появляется возможность подойти к ее проекту более взвешенно и продуманно, более тщательно и неторопливо все представить и распланировать, чтобы в спешке не уйти от намеченной цели. Ведь школа поселения должна будет сильно отличаться от привычной нам всем общеобразовательной, главной целью и задачей ее будет воспитание прежде всего Человека, свободного, гармоничного и разностороннего, Человека, понимающего свое предназначение и обладающего силами и качествами превратить его в жизни. А такой школы пока еще нет в природе, хотя самоотверженными учителями и подвижниками сделано немало открытий, ведущих к ней. Но такой Новой Школе еще предстоит родиться. И я верю, она обязательно родится, родится нашими совместными устремлениями и усилиями, и дети обретут, наконец, возможность развивать все свои лучшие свойства, качества и способности с помощью и при

поддержке взрослых, а не вопреки им. В этом творческом сотрудничестве мы откроем новые богатства и сокровища человеческого духа, которые не могут пока проявиться в атмосфере постоянного конфликта, противоречий, непонимания и борьбы, существующих между поколениями. Мы обязательно к этому придем.

